

Вырезка из газеты

ТУРКМЕНСКАЯ
ИСКРА

г. Ашхабад

23 ЯНВ 1985

Э Т Ю Д ОБ АРТИСТЕ

Штрихи к портрету заслуженного артиста СССР Реджепа Абдыева

...Биби-эдже сидит под цветущей белой вишней, а вокруг, на кошке, яркими горошинками рассыпались малыши. Приезд солиста Ленинградского академического театра оперы и балета, имя которого выстроило у ашхабадской театральной кассы очередь поклонников его таланта, ничем не нарушил в этом доме по-крестьянски деловитого спокойствия, порядна обычных забот. В безостановочном танце крутятся старенькое веретено, из которого руки Биби-эдже неуловимыми движениями извлекают верблюжью нить. Сколько помнит Реджеп, эти руки никогда не знали праздников, всегда были в работе.

«У моей мамы сладкие руки. Если вы спросите о самых счастливых минутах жизни — это те, когда я чувствую их тепло и ласку. Я часто вижу маму во сне». Не раз приходилось мне бывать на встречах мастеров искусств со зрителями, но таких простых и искренних слов, какие сказал Реджеп на встрече с воинами-пограничниками, я не слышала. Уверена, что многие из тех ребят потом написали письмо своей маме...

Здесь, в родном доме — упоение прихотливой музыки родной речи, свежесть непереводаемого слова и поучительная отцовская притча: мол, не в славе дело... Здесь дымятся парок над шурпой в большом казане, и, между прочим, в шутку-то в шутку, а поднимет 85-летний Абдыев свою трость, если захочет прикурить от очага... Главное — здесь Реджеп чувствует себя ветвью какого-то вечнорастущего дерева, животворные соки которого дают расти и ему, а от него — его четырехлетнему Алламурадиду. Без этих минут он не смог бы танцевать там, в Ленинграде.

...Как, в какую минуту парень типично студенческого облика — джинсы, кроссовки «Пума», минуту назад рассказывавший всякие забавные случаи, вдруг становится на сцене трагическим (у Абдыева он именно такой — пылкий, горячий, лишенный аристократизма) Альбертом в «Жизели»? Кажется, он, внезапно понявший свою роковую ошибку, мучимый болью вины и утраты, знает о жизни что-то такое, чего не знаем мы, сидящие в зале.

Как, в какую минуту вообще происходит рождение артиста? Как происходит осознание своего предназначения?..

Когда бы много лет назад мальчишке из села Каушут Каахкинского района сказали, что он будет танцевать в Кировском — бывшем знаменитом Мариинском театре, сцена которого помнит шаги великих сподвижников — Чайковского и Петипа, где родились шедевры балетной классики, где культивируется дух высокого академизма и отсюда исходят новации современной мировой хореографии, он даже не удивился бы, он

просто не понял бы предмета разговора. Непоседа с быстрыми антрацитовыми глазами был пока что мастером на всякие озорства и проделки и этим доставлял немало хлопот Абды-ага. Даже он, сельский учитель, не мог совладать со своим сорванцом. Ну, отдали его тогда в Республиканскую детскую музыкальную школу-интернат. Но и там никакая сила не могла усидеть Реджепа за гаммы. Вихры его были мокрыми от любимого футбола. Однажды пришла в интернат комиссия: всех воспитанников проверяли на гибкость. А потому как в спорте Реджеп преуспевал гораздо больше, чем в музыке, его отобрали первым и спросили: «Будешь учиться в хореографическом»? Он только плечами пожал.

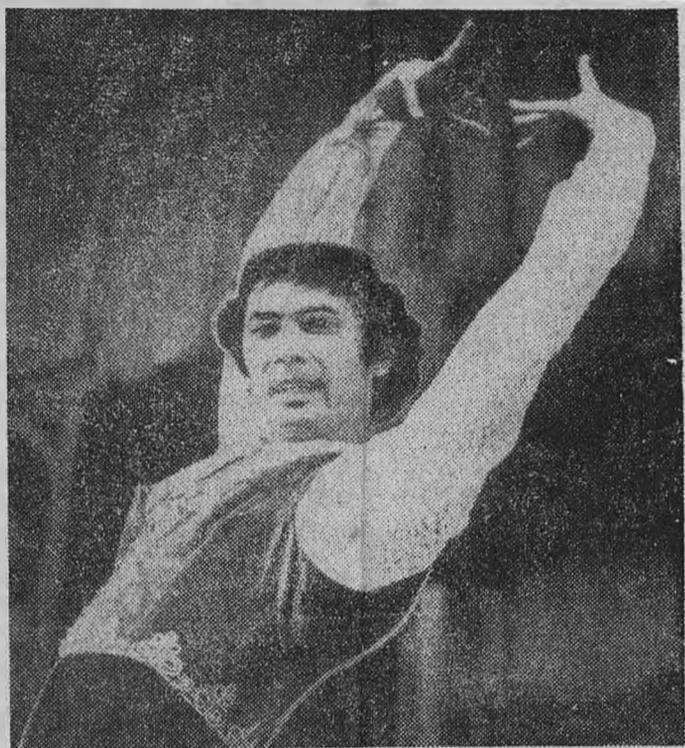
В Ташкенте началось тоже самое. Он играл в футбол. Имел первый разряд, выступал за сборную Узбекистана, в составе команды был чемпионом Всесоюзного Кубка надежд. Наставник по училищу Иван Михайлович Проценко, только вздыхал: этому на редкость способному от природы подростку такую бы одержимую настойчивость у станка в учебном классе. И вдруг — как гром среди ясного неба: Реджеп исчез. Удрал! И куда! В Ленинград, в Вагановское! У учителя к чувству обиды примешивалась гордость: ведь поступил! А конкурс в знаменитое училище выдерживает не каждый.

Правда, места в общежитии не дали, денег не было, и Реджеп обосновался на Московском вокзале. Тут не по сезону одетого «пассажира» приметил дежурный милиционер. Узнав, в чем дело, дядя Вася забрал паренка домой. Здесь, отогреваясь чаем с вареньем, и рассказал беглец, что удрал сюда просто так, из «спортивного интереса», чтоб доказать: знай наших... Дядя Вася качал головой. И Реджеп все отчетливее чувствовал свою вину.

Когда он снова постучал в класс Проценко, они оба не сказали друг другу ни слова — оба плакали. Совет, приведшая обратно, заставляла работать у станка до черных мух в глазах. И Абдыев чувствовал, как в душе его появляется что-то новое: он не мог жить без танца.

Уже став солистом Туркменского театра оперы и балета им. Махтумкули, он вновь поступает в Вагановское, теперь уже по зову осознанного призвания. После учебы Абдыева приглашают в Кировский театр.

На этой сцене не может быть места посредственности. Сам театр, его история, традиции, атмосфера обязывают к тому, чтобы каждый спектакль стал событием в жизни тех, кто сюда пришел. Здесь творят настоящие фанатики искусства. Нынешний педагог-репетитор Абдыева Николай Лазаревич Морозов много лет работает с тяжелой травмой позвоночника, и об этом мало

НА СНИМКЕ: заслуженный артист СССР Р. Абдыев.
Фото Ал. ГУСЕИНОВА.

кто знает. Однажды на спектакле «Корсар» Реджеп почувствовал в спине выстрел жгучей, исстертимой боли. Покинуть сцену? Но ведь это премьеры, в которую вложен труд стольких людей! Он упал без сознания потом, за кулисами, после грома аплодисментов: от чрезмерной физической нагрузки сломалось ребро. Но это был еще не критический момент. После травмы правой ноги (и опять на спектакле) врачи сказали, что выступать больше нельзя. Но они не знали характер Реджепа. После этого были его Абдурахман в «Раймонде», Гирей в «Бахчисарайском фонтане»...

Когда Абдыев выходит в «Дон Кихоте», кажется, что артист — сам дитя этой залитой горячим солнцем, яркой, праздничной площади Барселоны. Кажется, у самого артиста растворена в крови стихия сурляющей, темпераментной испанской фрески, жаждающей восторгов, горящих взглядов, аплодисментов, роз к ногам! «Дон Кихот» — по сути балет-дивертисмент, не претендующий на психологически углубленные образы. И прием артиста (именно артиста, а не танцовщика) здесь открыт: игра в буквальном смысле слова, вернее даже — наслаждение игрой, блестящая бравадность, почти феерия обаяния и победоносной грациозности.

Фейерверк игры! А может, ослепленные им, мы не заметили, как среди декораций истории о бесхитростной дочери трактирщицы и ее возлюбленного, красавца и баловня, Реджеп с иронией, которую редко кому адресует, кроме себя самого, чуть-чуть рассказывает и о себе? Ведь и в жизни ему так хорошо знакома «роль» любимца публики, влюбляющего своей открытой естественностью, покоряющего вроде бы легкой удачливостью, любимого дитя фортуны...

Когда в третьем действии танцы, с великолепной щедростью рассыпанные по спектаклю, достигают высшей точки виртуозности, красоты и блеска, Абдыев — действительно, победоносный Базиль из Испании вечного праздника. Но вот последние минуты оваций, пронзаемых неудержимыми криками «браво», я наблю-

дала из-за кулис. Не капли — градины пота, в котором вот-вот расплывется грим, руки, не способные держать даже цветы...

А когда артиста, выступавшего и в Большом театре, принимавшего поздравления Улановой и Григоровича, с успехом выступавшего и за рубежом, я спросила о самом ярком впечатлении в его жизни, ответ был совсем не об этих мгновениях славы.

— Фонари на улицах Варшавы, — сказал Реджеп. — Каждый — в память о безвинно расстрелянном, убитом, сожженном в газовой камере. Эти фонари невозможно пересчитать...

Память об этих варшавских фонарях Реджеп носит в сердце. Помнит он, и как в детстве бегал по аулу с такими же сорванцами, нацелив на майку отцовские медали — была среди них и «За освобождение Варшавы»...

Наверное, свет этой священной памяти и пронизывает искусство Р. Абдыева особым гуманизмом, верой, оптимизмом. Таков его Ферхад из «Легенды о любви» — балета большой философской темы. Ферхад Абдыева — это итог глубоких раздумий, это прожитая судьба героя, цельного и прекрасного юноши, подчинившего любовь долгу перед народом. И в партии Квазимодо в «Соборе Парижской богородицы», где Реджеп впервые постигал острый экспрессивный язык западной хореографии.

Сейчас Р. Абдыев заканчивает Ленинградскую консерваторию и скоро получит диплом балетмейстера — режиссера. «Хочется полнее выразить себя, воплотить темы, образы, с которыми еще не доводилось встречаться на сцене», — объясняет Реджеп свое желание стать балетмейстером.

Свой дипломный балет он ставит на музыку первой симфонии «Памяти Махтумкули» народного артиста СССР композитора Вели Мухатова.

...Был глубокий смысл в том, когда на последнем спектакле в родном городе алые букеты, преподнесенные почитателями его таланта, артист бросил в зал, словно возвращая землякам свою преданность, благодарность, любовь.

Е. ПРИХОДЬКО.